

Цуй Се удивленно произнес:

— Неужто тот старший брат, что учится в управе? Как я могу занять его кабинет! Да и шум от чистки колодца не такой уж громкий, я, войдя в этот двор, ничего толком и не слышал. Дядюшка Чжао, устройте меня в любой гостевой комнате, я и книги свои принес.

Юаньвай Чжао замахал руками:

— Что за разговоры, разве так принимают гостей! Братец Сяо Се, иди за мной. Дальний родственник не спасет там, где поможет близкий сосед! Да что там кабинет — даже если бы ты перебрался в его спальню на пару дней, в этом не было бы ничего страшного!

Произнеся это, он вдруг подумал, что идея прекрасная, и с улыбкой добавил:

— Вот так и поступим! Инши обычно занимается в управской школе и приезжает только на Праздник середины осени на пару дней. А твой дом еще не отремонтирован, так что перекантуйся пока у нас день-другой... Вечером и твоего А-Цуя зазови сюда спать, у меня двор большой, всем места хватит. А как отремонтируете свой дом — вернетесь.

Он, не дожидаясь ответа, весело повел Цуй Се в кабинет в восточном флигеле, указав на книжную полку и несколько сундуков под ней:

— Это все книги, по которым раньше учился твой брат Инши, читай любые. Я велю твоему малышу Пэн Яню прийти и прислужить тебе. Чувствуй себя как дома, стесняться совершенно нечего.

Опасаясь помешать учебе Цуй Се, юаньвай Чжао вскоре ушел, послав слуг за Пэн Янем. Няня из семьи Цуй, малютка Чуньсян, принесла те самые четыре вида сладостей, а напиток заменила на освежающий сироп из османтуса — по слухам, если от чтения туманится голова, чашка такого сиропа отлично снимает усталость и раздражение. Молодой господин из семьи Чжао его просто обожал.

Хозяева проявили такое гостеприимство, что Цуй Се постепенно привык к подобной добрососедской атмосфере эпохи Мин. Повинуясь воле хозяев, он спокойно уселся за стол и принялся за чтение. Впрочем, к шкафам старшего молодого господина семьи Чжао он пока не прикасался, а вместо этого открыл привезенный с собой комплект «Сы шу чжанцзюй», страница за страницей четко отпечатавая текст в своем жестком диске.

Четверокнижие состояло всего из двух тонких томов, так что даже при самом вьедливом чтении на это не ушло бы больше полудня. Закончив просмотр, он бросил книги Пэн Яню, чтобы тот порзавлекся чтением, а сам закрыл глаза и, глядя на внутренний PDF-файл, тихо зачитал строчка за строчкой.

— «Да сюэ чжанцзюй». «Да», древнее чтение «тай»...

Эти комментарии слишком длинные и внедрены слишком часто, отчего весь текст распадается на куски: доходя до следующей строки оригинала, уже забываешь, о чем шла речь в предыдущей. Вернувшись домой, нужно будет переписать отдельно оригинальный текст и отдельно перевод для сравнения. По крайней мере, сначала сгладить оригинал, а иначе читаешь с постоянными разрывами, и эффективность получается слишком низкой.

Пока он с трудом продирался сквозь текст, в дверь кабинета неожиданно постучали. Малютка Чуньсян взволнованно крикнула снаружи:

— Молодой господин Цуй, у вас... у вас кое-что случилось! Прибыл человек из столицы и поругался с вашим Цуй Юанем!

Книга в руках Пэн Яня с треском вывалилась на пол. Мальчик побледнел:

— Неужели господин...

— Будь там господин, твой отец не стал бы ругаться. А раз господина нет... — Цуй Се сжал его дрожащую руку и уверенно поднялся: — Не бойся, я с тобой.

Выйдя вместе с Пэн Янем за ворота двора, Цуй Се увидел спешащего навстречу старого юаньвая Чжао. Заметив юношу, тот остановился и, выдавив неловкую улыбку, произнес:

— Услышал шум? Да там просто глупый слуга мелет всякую чушь, ерунда. Ты не бери в голову, соседи прекрасно знают, какой ты человек, никто не станет слушать эту дрянь!

Просто чушь?

Если соседи уже все узнали и пришли его утешать, значит, дело точно не ограничилось несколькими глупыми словами!

Едва попав в этот мир, он уже столкнулся с семейными кознями, так эти актеры решили гнаться за ним и в родные края, чтобы продолжить представление! Он, преодолевая отвращение, уже обелил репутацию супругов Цуй, желая лишь спокойно проучиться пару лет да сдать экзамены на цзиньши. Но им все мало, они даже подослали слугу вставлять ему палки в колеса! Неужели принимают его за героиню слезливой драмы, которую можно изводить без всякого отпора?

Хотите войны — будет вам война! Посмотрим, кто кого переспорит!

В дорамах про дворцовые интриги, которые он смотрел до переселения, наложниц, забитых до смерти из-за проигранных войн, было больше, чем эти древние люди видели живых людей за всю свою жизнь!

В душе Цуй Се бушевала буря, однако лицо оставалось спокойным. Он даже слегка улыбнулся:

— Простите за это постыдное зрелище, дядюшка Чжао. Домашние не умеют себя вести и переполошили всю округу. В этом вина семьи Цуй — плохо воспитали слуг.

Губы его слегка изгибались в улыбке, но в глазах не было и капли веселья. Взгляд его уперся в землю перед собой; о чем он думал, было неведомо.

Юаньвай Чжао, видевший у ворот высокомерный и желчный вид прибывшего слуги, да к тому же помнивший, что у Цуй Се мачеха, невольно посчитал его забитым и несчастным юношей. Сочувственно вздохнув, он проговорил:

— В этом нет твоей вины. Когда слуги в доме ни во что не ставят хозяина, это...

Кхм-кхм-кхм...

Юаньвай Чжао вдруг осознал, что снова вмешивается в чужие семейные дела, и громко покашлял, больше не осмеливаясь ляпнуть лишнего. Он молча довел Цуй Се до главных ворот.

Едва они ступили в передний двор, как снаружи донесся хриплый голос Цуй Юаня:

— Заходи внутрь и там говори, что надо... Тут постоянно ходят люди, а ты с порога плетешь несусветную чушь! Как после этого молодой господин людям в глаза смотреть будет?!

В ответ зазвенел громкий, язвительный голос:

— Да что я такого сказал, дядя Юань? Разве я не прав? Старший молодой господин дома избил младшего брата, довел до болезни госпожу Сун и госпожу! Господин сослал его в родовой дом на раскаяние, а не отправил в деревню ублажать себя! Но даже так госпожа беспокоится, хорошо ли ему живится, и едва выдав ежемесячное содержание, тут же отправила меня привезти его сюда. Кто бы мог подумать, что у старшего молодого господина нет ни капли стыда: ремонтирует дом, чистит колодец, живет на широкую ногу, словно знатный барин...

— Вранье! Этот дом настолько заброшен, что жить в нем невозможно, неужто мы не должны его отремонтировать...

Спорить Цуй Юань абсолютно не умел, так что его речи легко прервали. Тот слуга с ядом в голосе перебил:

— Этот дом строил еще наш старый господин, сам господин в нем вырос! Чем он плох-то? Дядя Юань, ты, видать, совсем избаловался, раз дом, где прожил полжизни, тебе уже не угоден! Вы выехали из столицы полмесяца назад, даже со всеми задержками до Цяньаня добрались дней десять как! И у вас не было времени привести усадьбу в порядок? Вы что же, все это время спали на голом пустыре? Господин велел вам отправляться прямо в старое поместье, а вы где пропадали по дороге? На какие шиши жили?!

Человек наступал шаг за шагом, а вокруг нарастали тихие перешептывания соседей и прохожих. Цуй Се сжал мелкой дрожью бьющуюся руку Пэн Яня, переступил через порог и увидел гостя из столицы.

Тот был одет в халат из темно-бордового дикого шелка. Круглолицый, высокий — и казался немного знакомым.

Пэн Янь еле слышно пробормотал: «Второй управляющий», и Цуй Се наконец вспомнил: это же второй управляющий Цуй Мин, который в тот день, когда его избили, торопил их у ворот! Неудивительно, что этот писклявый голосок показался столь знакомым.

Второй управляющий тоже заметил его. Он тут же вскинул бровь и с ехидной ухмылкой громко воскликнул:

— Старший молодой господин! Я вас тут совсем заждался, вы наконец изволили выйти!

Взоры всех присутствующих устремились на него, шепот вокруг взвился волной. Из толпы к ним проталкивалось несколько юношей в белых халатах — туншэнов. Один из них, с круглыми чистыми глазами, закричал стоящему сзади юаньваю Чжао:

— Дедушка! Вы велели мне после занятий поскорее вернуться домой, чтобы принять гостя, так вы об этом человеке говорили?

И впрямь: добрые дела молчат, а дурные вести на крыльях летят. Из-за пары фраз Цуй Мина образ любящего отца и благочестивого сына, который он с таким трудом выстраивал после приезда в Цяньань, рухнул без остатка.

С мрачным лицом Цуй Се подошел к повозке. Цуй Мин приподнял бровь и расплылся в

слащавой ухмылке:

— Простите, старший молодой господин, слуга слишком громко учил уму-разуму челядь и напугал вас. Я сегодня прибыл, чтобы передать старшему молодому господину ежемесячное содержание. Госпожа знает, что вы уехали с ранами от побоев палками, и опасаясь, как бы вы не терпели нужду в одежде, еде и лекарствах, велела привезти наилучшую долю. Прошу вас принять и унести в дом.

Он высокомерно кивнул кучеру и с гордостью скомандовал:

— Заезжай во двор и сгружай все, что мы привезли для старшего молодого господина.

Цуй Се поднял руку, преграждая ему путь, и строго спросил:

— Ты утверждаешь, что тебя прислала семья передать мне вещи. У тебя есть подтверждение? Есть опись содержания?

«Какая еще опись? Госпожа и так проявила милость, выделив ему крохи, а он все еще мнит себя прежним барином?»

Цуй Мин поджал губы, пренебрежительно хмыкнул и презрительно ухмыльнулся:

— Старший молодой господин, отколе у нас в доме выдача содержания сопровождается описями? Выдают то, что положено по статусу. Это госпожа лично для вас приготовила, неужто госпожа стала бы вас ущемлять...

Цуй Се внезапно грозно выкрикнул:

— Замолчи! Как ты смеешь дерзить хозяину!

<http://bllate.org/book/18372/1761244>